

Г. А. Печников, А. П. Блинков

О ФОРМАЛЬНОЙ И ОБЪЕКТИВНО-ИСТИННОЙ ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье заложена идея о том, что принцип законности не отвлечен, а неразрывно связан с концептуальной сущностью той модели (типа) уголовного процесса, в котором он реализует свое действие. В уголовном процессе состязательного типа, отвергающем объективную истину в силу самодостаточности состязательности (все решается состязанием сторон), процессуальная форма (процедура) имеет приоритет над фактическим содержанием, поэтому здесь устанавливается вероятная, «формально-юридическая», процессуальная истина, «истина победителя состязания сторон». Соответственно, и законность, неразрывно связанная с состязательностью процесса, «осостязательствованная» законность, будет формальной законностью. В отличие от этого в объективно-истинной модели (типе) уголовного процесса принцип законности, как и другие принципы и правовые институты, направлен на достижение объективной истины по уголовным делам (достоверное, объективно-истинное раскрытие преступлений, борьба с преступностью) — это объективно-истинная законность. Авторы критически оценивают состязательный вид уголовного судопроизводства, отмечают его релятивизм, узкопрагматическую заинтересованность сторон в выигрыше дела, а не в объективной истине. Отсюда — состязательно-выигрышная предвзятость, необъективность сторон. Авторы отстаивают необходимость закрепления объективной истины в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, подчеркивают объективное превосходство уголовного процесса объективно-истинного типа над состязательным (выигрышно-проигрышным).

Ключевые слова: законность, формальная законность, формально-юридическая истина, объективная истина, объективно-истинная законность, состязательный тип (модель) уголовного процесса, объективно-истинный тип (модель) уголовного процесса, приоритет формы над содержанием, раскрытие преступлений, борьба с преступностью, состязательность, релятивизм, софистика.

Г. А. Pechnikov, A. P. Blinkov

ABOUT THE LEGALITY OF FORMAL AND OBJECTIVELY TRUE IN THE CRIMINAL PROCEDURE

The article pursues the idea that the principle of legality is not unrelated, but it is inseparably linked with the conceptual essence of that model (type) of the criminal procedure in which it realizes its action. In the criminal procedure of an adversary type, rejecting objective truth the procedural form (procedure) takes precedence over the actual content due to the self-sufficiency of adversary (everything is decided by the parties' adversary), therefore the probable, technical, procedural truth, "the truth of the parties' adversary winner" is established. Accordingly, the legality which inseparable linked with the procedure's adversary, "full-adversary" legality will be protocolary legality. In contrast, the principle of legality, as other principles and legal institutions, in the objective-issued model (type) of the criminal procedure is aimed at criminal cases' objective truth achievement (reliable, objective and issued crimes disclosure, crime prevention) — it is an objective-issued legality. The authors critically appreciate the adversarial type of criminal jurisdiction, they are notes its relativity, narrow-pragmatic interest of parties in winning the case, but not in objective truth. Hence, there is an adversely-winning parties' preconception and partiality. The authors defend the necessity of objective truth consolidation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; they are emphasize the objective superiority of the criminal procedure of an objective-issued type over an adversarial (winning-losing) procedure.

Key words: legality, protocolary legality, technical truth, objective truth, objective-issued legality, adversary type (model) of criminal procedure, objective-issued type (model) of the criminal procedure, precedence of form over the actual content, crimes disclosure, crimes prevention, adversary, relativity, sophistry.

В современном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) в отличие от Уголовно-процессуального

кодекса РСФСР имеется статья, посвященная принципу законности (ст. 7). Ее анализ позволяет сделать следующий вывод: ч. 1 указанной статьи,

сообщающая, что «суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему кодексу», связана с ч. 1 ст. 1 УПК РФ, где содержится положение о том, что порядок уголовного судопроизводства устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции Российской Федерации, т. е. норма ч. 1 ст. 7 не привносит ничего нового. Часть 2 ст. 7 УПК РФ дублирует мысль, заложенную в ч. 1 ст. 1 этого кодекса. Содержание ч. 3 ст. 7 воспроизводится в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, где говорится, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Таким образом, мы разделяем мнение Б. Т. Безлепкина о том, что целесообразность повторного включения в УПК РФ норм, которые не порождают новых правоотношений, спорна, а их практическая ценность вызывает сомнения [1, с. 16]. Однако, на наш взгляд, более важно осмыслить непосредственно законность, ее суть и цель в состязательном УПК РФ. При этом особое значение будет иметь соответствие содержания законности как принципа самому понятию, ее подлинному назначению. Здесь мы можем вести речь об «объективно-истинной» и «формальной (формально-юридической)» законности [2, с. 131].

Статья 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» подчеркивает, как мы считаем, именно «формальную (формально-юридическую)» законность, что обусловлено смыслом состязательного УПК РФ, который отвергает объективную истину, а приемлет только «юридическую (вероятную)». Пункт 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ содержит положение о том, что назначение уголовного судопроизводства состоит в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако законность в контексте состязательного уголовного процесса с отсутствующей объективной истиной требует формально правильно, формально законно, формально юридически точно обосновать предъявленное обвинение. Проблема степени соответствия такого обвинения действительности перед «формальной законностью», направленной на «юридическую, процессуальную (вероятную) истину», по-настоящему не ставится [2, с. 132].

В. В. Никитаев относит «объективную (материальную)» истину к «фикции», «юридической фикции», поэтому говорит о «процессуальной истине» в уголовном процессе [3, с. 301], под которой он понимает «соответствие судебного процесса (а значит, и его результата)

требованиям процессуального права» [3, с. 301]. Как видим, «процессуальная истина» («формально-юридическая», «состязательно-выигрышная») не выходит за пределы процессуальной формы. Законность в состязательном УПК РФ выражает приоритет процессуальной формы над реальным содержанием, а принцип законности — самоценность, самодостаточность процессуальной формы, т. е. соблюдение процессуальной формы — самоцель всего уголовного процесса. Если «объективная (материальная)» истина отражает факты, имевшие место в объективной реальности, то «формальная (процессуальная)» истина — только те сведения, которые облечены в надлежащую процессуальную форму. С нашей точки зрения, «формально-юридическая» истина исключает объективную истину в уголовном процессе. И. Б. Михайловская подчеркивает: «Приоритет защиты личности от необоснованного осуждения, а также самоценность процессуальной формы (т. е. требования соблюдать нормы уголовно-процессуального закона) выступают ограничителем средств и способов раскрытия преступлений и осуждения лица, виновного в его совершении» [4, с. 16].

В состязательном уголовном процессе с «юридической» истиной законность должна обеспечивать состязательность и равноправие сторон обвинения и защиты. Сильнейшего в данном «поединке» выявляет суд, который руководствуется требованием соблюдения «формально правильной» законности, определяя юридически правильно или неправильно обосновано обвинение. Именно от этого зависит, каким будет приговор: обвинительным либо оправдательным [2, с. 132].

Противоборствующие стороны в состязательном уголовном процессе формально равны, но фактически равными они быть не могут. Одна из них оказывается сильнее и побеждает. Это означает, что законность в состязательном уголовном процессе не обеспечивает подлинного равенства сторон, поэтому является «формальной». Она ведет к «формально-юридической» истине по уголовному делу, далеко не всегда соответствующей реальной действительности. Подлинная, реальная, а не «формально-юридическая» законность возможна лишь в объективно-истинном типе (модели) уголовного процесса. Таким образом, юридическая (процессуальная) форма в УПК РФ имеет самодовлеющее значение, тем самым она оторвана от фактических обстоятельств уголовного дела (форма живет самостоятельной юридической жизнью, т. е. процессуальная (юридическая) форма становится содержанием), а

значит, отделена от реальных фактов и сама законность. Это подтверждают два характерных вопроса (ст. 299 УПК РФ), которые разрешает суд при постановлении приговора в совещательной комнате. Вопросы: 1) имело ли в действительности место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) совершил ли в действительности это деяние подсудимый — суд формулирует иначе: 1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый. Отсюда возникает следующий вывод: то, что юридически доказано в состязательном уголовном процессе, может и не отражать того, что было на самом деле.

В статье 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», как мы полагаем, содержится идея «юридической» истины и связанного с ней презумирования. Отсюда, по нашему мнению, берут свои истоки такие презумпции, как: «что юридически обосновано, то доказано („юридически доказано“»); «что формально юридически правильно, то и истинно („юридически истинно“»». Базовыми здесь являются понятия «обоснованность», «обоснование» («обоснованное обвинение»). Следовательно, большое значение для законодателя имеет формальная юридическая обоснованность сама по себе, т. е. «формальная», «юридическая» законность.

С юридической точки зрения, как и с точки зрения софистики, любое утверждение можно доказать как верное, так и неверное в силу многоаспектности любой вещи в целом. Доказывание же с точки зрения объективной истины обязательно предполагает объективное исследование (процесс), а не просто формальное обоснование своего утверждения, правдоподобной версии, т. е. «готового знания», стороной обвинения. Как справедливо отметил Ю. К. Якимович: «В рамках предмета доказывания мы должны установить то, что было на самом деле. Иные представления приведут нас к признанию допустимости осуждения невиновных» [5, с. 47]. Нужно всегда иметь в виду, что «правильно применить уголовный закон означает применить его именно к действительно виновному лицу и в мере, соответствующей степени его вины, — в этом заложена необходимость стремиться устанавливать обстоятельства совершения преступления, отражая их в материалах уголовного дела в полном и точном соответствии с объективной действительностью, т. е. устанавливая объективную истину по уголовному делу» [6, с. 178].

Диалектический подход приводит к возникновению вопроса: какая же законность наблюдается в УПК РФ? Либо «объективно-истинная», которая присутствует в случае если уголовно-процессуальный закон способствует достижению объективной истины, устанавливает положения, необходимые для ее достижения (например, как ст. 20 УПК РСФСР: суд, прокурор, следователь и лица, производящие дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выяснять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его вину обстоятельства); либо законность, порождающая «правила игры» для состязания сторон (состязательно-выигрышной истины). Она всегда будет на стороне победителя.

Нормы действующего уголовно-процессуального закона направлены на достижение лишь «юридической», «состязательно-выигрышной» истины. В. Т. Томин отмечает: «Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что цель познания — установление объективной истины. То, что разработчики проекта УПК РФ в конструировании норм доказательственного права не слишком жаловали объективную истину в уголовном судопроизводстве, уже неоднократно отмечалось процессуалистами. Наиболее отчетливо это сделал, пожалуй, В. П. Божьев. Честь и хвала ему за это! Задам законный вопрос: на чем основывается отечественное доказательственное право в интерпретации его УПК РФ, если уже в понимании цели доказывания оно (доказательственное право) отступает от своей основы (теории познания)? Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не только не употребляет в своем тексте термина истина, но и существенно затрудняет ее познание по уголовному делу. Его ст. 75, ч. 1 ст. 86, ст. 89 и несколько других норм реально препятствуют познанию по уголовному делу. ... ст. 75 и 83 УПК РФ в совокупности, действительно, образуют западню, капкан для процесса познания по уголовному делу. Иногда не можешь отогнать от себя мысль, что что-то (или кто-то) в механизме современной демократии специально работает против привлечения к уголовной ответственности определенных категорий злочинцев, в частности коррупционеров» [7, с. 210—211, 218].

Следователь, возбуждающий уголовное дело, предъявляющий обвинение и принимающий решение о направлении дела в суд, — орган, осуществляющий исключительно функцию уголовного преследования. Сегодня эта идея проведена в

уголовно-процессуальном законодательстве. Но вполне обоснованно, что она вызывает неприятие многих авторов. Так, справедливо мнение М. Е. Токаревой о том, что подобные представления о деятельности следователя ведут «к ослаблению гарантий прав участников процесса, неоправданно сужают задачи и направления деятельности должностных лиц, осуществляющих их расследование, придают им односторонний характер, создают объективные предпосылки для обвинительного уклона» [8, с. 49].

В состязательном уголовном процессе все осознательно, в том числе законность. Это наглядно иллюстрирует Ф. А. Воскресенский, раскрывая сущность процессуальной деятельности следователя в российском уголовном процессе. Состязательность приводит к тому, что установление обстоятельств произошедшего события, выяснение всех имеющих значение объективных данных как цель профессиональной деятельности отходит на второй план, на первый же выходит задача «выигрыша» уголовного дела, что реализуется путем построения эфемерной картины имевшего место события, оформленной в надлежащей процессуальной форме. При этом материалы уголовного дела формируются таким образом, чтобы картина выглядела максимально правдоподобной, и все не вписывающиеся в выстраиваемую информационную модель данные (доказательства, факты) сознательно изымаются из материалов уголовного дела либо не фиксируются вообще [9, с. 82].

Уголовный процесс с состязательной концепцией не в состоянии, на наш взгляд, гарантировать полную защиту законных прав личности, будь то обвиняемый, потерпевший или другие участники процесса. Подлинная защита прав личности в уголовном процессе требует объективно-истинного подхода.

Принцип законности, по своей сути, ориентирован на ликвидацию произвола в жизни общества, в тех отношениях, которые регулируются правом. В уголовном судопроизводстве законность должна быть тесно связана с неотвратимостью ответственности виновных. Однако в состязательном УПК РФ законодатель акцентирует внимание на формальном равенстве сторон в состязании, а не на неотвратимости ответственности за совершенное деяние, что, на наш взгляд, не является верным.

Причинами появления правового и нравственного нигилизма, искажения правосознания служат изъяны следственно-

судебной практики. Давно замечено, что существует два способа разложить нацию: наказывать невиновных и не наказывать виновных. К сожалению, у нас встречается и то, и другое [10, с. 460]. Устранение этого — один из путей формирования высокой правовой культуры общества, чувств законности и справедливости.

Релятивизм, который, по нашему мнению, свойственен состязательному УПК РФ, вызывает и в теории упрощенное отношение к уголовно-процессуальной форме. А. А. Кухта отмечает: «Раскрытие преступления, получение источников доказательств органами уголовного преследования, должно быть допущено в любой правовой форме» [11, с. 15]. Он призывает снять формальные ограничения на использование в суде в качестве доказательств тех сведений, которые были получены в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [11, с. 354]. Однако следует иметь в виду, что собственная форма и содержание существуют и у уголовного процесса, и у Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», стирать искомое различие между формами разных правовых систем вряд ли теоретически и практически правильно. Как справедливо писал К. Маркс: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [12, с. 159]. Уголовно-процессуальная форма должна иметь собственную ценность, диалектически обусловленную содержанием самого уголовного процесса, иначе это будет «бессодержательная форма», лишенная самостоятельной ценности, уголовно-процессуальные доказательства будут невозможно отличить от оперативно-розыскных данных. Все это приведет к возникновению свободы использовать какие угодно доказательства. Такое упрощение уголовно-процессуальной формы вряд ли приемлемо. При этом следует признать, что сама состязательная конструкция УПК РФ побуждает к упрощению уголовно-процессуальной формы, ведь все относительно. В этом видится ее существенный недостаток. Законность в состязательном УПК РФ, как и все его правовые институты, и принципы, и цель (назначение уголовного судопроизводства), «осознательно поставлена», т. е. поставлена в непосредственную зависимость от установленных в УПК РФ состязательных «правил игры»: уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязания сторон; стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (ст. 15 УПК РФ) и др.

Как отмечается в юридической литературе: «Законность это есть формализм уголовного процесса. Современное ее понимание вводится и общим требованиям формализма, легальности в деятельности и решениях органов

предварительного расследования и суда. Законность больше не рассматривается в качестве требования установить объективную истину, обеспечить неотвратимость наказания, проводить всестороннее, полное и объективное расследование дела» [7, с. 96].

В основе приоритета процессуальной формы в первую очередь лежит концепция уголовного иска, в соответствии с которой под уголовным процессом понимается особая форма разрешения правового спора между государством и личностью. При такой трактовке уголовного судопроизводства становится очевидной значимость процедуры, поскольку она является фактически единственным средством обеспечения хотя бы формального равенства личности и государства [4, с. 13, 44]. Но как верно отметил В. В. Лунеев: «Процедура важна, но она не может быть выше искомой истины по делу» [13, с. 15].

С нашей точки зрения, за формально-юридическую законность, а следовательно, и за формально-юридическую истину ратуют процессуалисты А. С. Александров и В. В. Терехин, не признающие «внетекстовой борьбы» [14, с. 9]. Гносеологически они отрицают объективную истину, так как исходят не из объективной реальности, а из «уголовно-процессуальной реальности», «правовой реальности», «юридической реальности». Право объясняется ими как текст закона, помноженный на его интерпретацию в ходе судебного разбирательства. Судопроизводство трактуется как языковая игра [14, с. 8]. А. С. Александров и В. В. Терехин отрицают диалектико-материалистическую методологию, а значит, не приемлют действия объективных диалектических закономерностей и тем самым, с нашей точки зрения, стирают различия между научным и ненаучным подходами. Вопреки требованиям диалектики они не различают противоположности: материю и сознание, субъект и объект, цель и средства, форму и содержание, законность и целесообразность, истину и ложь и т. д., отстаивают полный релятивизм всего и вся. Они идеализируют состязательный тип уголовного процесса. В состязании сторон не важно, что доказывать, важно выиграть процесс (дело) у своего процессуального противника. Из этого исходили еще софисты в Древней Греции. Как представляется, А. С. Александров и В. В. Терехин в своих теоретических воззрениях под названием «Манифест критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права» развивают то состязательное, что присуще действующему УПК РФ, наглядно показывают, куда ведет подход с позиции «чистой

состязательности» и тенденции — это путь к полнейшему релятивизму. «Новая состязательная теория судебных доказательств — это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации. Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилом их является человек. ... Оппозиция ложь/истина относительна („истина-ложь, вывернутая наизнанку“ по Ж. Деррида). Особенно это актуально для уголовного судопроизводства. Мера лживости и истинности „правдоподобного утверждения любой из сторон в уголовном деле пропорциональна его убедительности“» [14, с. 12]. И далее: «Правосудие — это игра, его значимость и социальная ценность в самой игре, ее организации.... Судебная истина является гадательной, вероятным значением.... Познание реальности осуществляется не путем отражения значимых объектов, связей и отношений между ними, а посредством конструирования полезных моделей реальности. Так что „знание“ надо рассматривать не с точки зрения дихотомии „правильное-неправильное“, а полезное или вредное для решения практических задач.... „Полезным“ является то знание, которое поддерживает жизнеспособность системы (социума). Такова и „судебная истина“ — она инструмент адаптации индивида и общества к окружающей среде. Следует говорить не об истинности судебного решения, а о его способности выполнять функцию урегулирования правового конфликта, стабилизации системы» [14, с. 12—13].

Как представляется, от состязательного, т. е. выигрышно-проигрышного подхода (одна сторона выигрывает, а другая проигрывает) состязательный УПК РФ освободиться не может. В состязательном уголовном процессе ничего кроме состязания сторон и выигрыша поединка более сильной стороной не наблюдается: сильный выигрывает, а слабый проигрывает — такова его логика, поэтому «полезное знание», о котором пишут А. С. Александров и В. В. Терехин, находит свое объяснение в американской философии под названием «прагматизм» (от греч. прагма — дело, действие; философия действия); то, что на практике приносит выгоду, успех, то и является «истиной» (прагматической истиной). Успех в состязании всегда на стороне сильнейшего, даже если позиция победителя не отражает реальной действительности, не соответствует тому, что было на самом деле. «Процессуальная», «формально-юридическая», судебная истина — это «прагматическая истина», истина победителя поединка (спора) сторон. При

этом процедура в состязательном уголовном процессе выше фактической (объективной) истины. Не случайно наши коллеги подчеркивают, что истинными должны быть порядок, форма, процедура судебного познания, а не цель, результат. Суду надо стремиться не к тому, чтобы познать «объективную истину», а соблюсти справедливый порядок судебного процесса, это стабилизирует [14, с. 12—13]. Однако такая организация уголовного процесса, которая признает только форму, процедуру, вряд ли может быть правильной, совершенной, объективной, наша позиция совсем иная, для нас отказ от объективной истины в уголовном процессе совершенно недопустим. В этом плане справедливы суждение В. А. Азарова и Т. А. Беккер, отмечающих, что насыщая отечественный уголовный процесс началами состязательности в ее англо-саксонском варианте, разработчики УПК РФ поставили процедуру выше поиска истины. Известная полная сарказма фраза «главное не истина, а процесс ее поиска» неуместна в уголовном судопроизводстве, иначе оно будет не в состоянии выполнить поставленные перед ним задачи. Россия всегда была привержена романо-германской правовой семье, столетиями формировавшей систему приоритетов, среди которых традиционно доминировало публичное начало.

Сегодня уголовно-процессуальный закон официально закрепил ненужность доказывания в судебном производстве соответствия установленных по делу обстоятельств реальным событиям, т. е. объективной истине, что, по нашему убеждению, неминуемо ведет к судебной ошибке [15].

---

1. Безлепки́н Б. Т. Комментарий к УПК РФ. М., 2002.

2. Печников Г. А., Блинков А. П. Законность как принцип уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 3 (18). С. 130.

3. Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие: труды науч.-практ. лабораторий. М., 1996. Вып. 1 Ч. II.

4. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006.

5. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015.

6. Мезинов Д. А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 82—94.

7. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009.

8. Токарева М. Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. М., 1997.

9. Воскресенский Ф. А. Принцип состязательности как сдерживающий фактор уголовно-процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3 (34). С. 77—84.

10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М., 2013.

11. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010.

12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1.

13. Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 5—18.

14. Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 8—14.

15. Азаров В. А., Беккер Т. А. Объективная истина — единственно верный путь вынесения правосудного акта. URL: <http://www.ugpr.ru> (дата обращения: 04.04.2018).

© Печников Г. А., Блинков А. П., 2018

---

1. Bezlepkin B. T. Commentary to the Code of Criminal Procedure. Moscow, 2002.

2. Pechnikov G. A., Blinkov A. P. Legality as the principle of criminal process // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2011. No 3 (18). P. 130.

3. Nikitaev V. V. Problem situations of the criminal process and legal thinking // Competitive justice: the works of scientific-practical laboratories. Moscow, 1996. Issue. 1 Ch. II.

4. Mikhailovskaya I. B. The judge's desk book on proving in criminal proceedings. Moscow, 2006.

5. Yakimovich Yu. K. The concept, purpose, differentiation of the criminal process. Principles of criminal justice. Tomsk, 2015.

6. Mezinov D. A. Is the truth established in the criminal process objective? // Library of the criminalist. 2012. No 4. P. 82—94.

7. Tomin V. T. Criminal process: actual problems of theory and practice. Moscow, 2009.

8. Tokareva M. E. Modern problems of legality and prosecutor's supervision in pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... dr. jurid. sciences in the form of a scientific report. Moscow, 1997.

9. Voskresenskiy F. A. The principle of competitiveness as a deterrent of criminal procedural activity at the stage of preliminary investigation // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2015. No 3 (34). P. 77—84.

10. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law: textbook. Moscow, 2013.

11. Kukhta A. A. Proving the Truth in Criminal Procedure: dis. ... dr. jurid. sciences. N. Novgorod. 2010.

12. Marx K., Engels F. Works. Vol. 1.

13. Luneev V. V. Tendencies of modern crime and its struggle in Russia // State and Law. 2004. No 1. P. 5—18.

14. Aleksandrov A. S., Terekhin V. V. Five theses from the manifesto of critical legal studies of the Russian criminal procedural law // Bulletin of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence. 2015. No 1 (26). P. 8—14.

15. Azarov V. A., Bekker T. A. Objective truth - the only true way to pass a just act. URL: <http://www.ugpr.ru> (reference date: 04/04/2018).

© Pecnikov G. A., Blinkov A. P., 2018